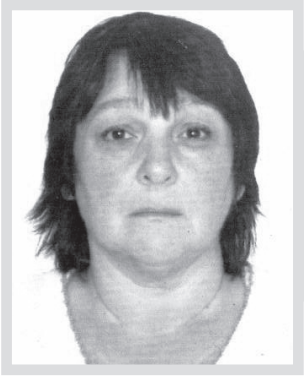
УДК 342.72/.73

Понятие правозащитного движения в России: историко-правовой анализ



Рязанова М.Н.
Кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории права и государства Казанского филиала Российского государственного университета правосудия

В статье проанализирована проблема формализации при выявлении этапов правозащитного движения на примере России. В условиях трансформации международной правозащитной системы и её адаптации под российские условия актуализируется теоретическое восприятие возникновения и развития правозащитных механизмов. Данная проблема не обошла стороной Российскую Федерацию, вносящую в собственную правовую систему прецедентный характер реализации решений наднациональных инстанций. Поэтому в рамках данной статьи автором предложен собственный критерий к периодизации правозащитного движения в России – зависимость от его признания со стороны государства.

Ключевые слова: правозащитное движение, права человека, гражданское общество, правовое государство, неправительственные организации, история отечественного государства и права, правозащитная деятельность.

Историография правозащитной деятельности представляет сегодня обширный фонд исследований теоретического и практического характера. Так, из числа зарубежных учёных вопросы эволюции правозащитного движения рассматривались T. Risse, S.C. Ropp, Daucé Françoise, Collins Randall, Carmen Valero-garcés, Armstrong Scott, Van Der Vet Freek. Среди российских авторов также прослеживаются традиции зарубежной правозащитной науки применительно к историческим этапам формирования механизмов защиты прав человека (например, О.Ю. Жежелевская, В.Ю. Панченко, Б.П. Михайлов, Г.А. Прокопович, В.Е. Татаркин). При этом в большинстве научных работ отсутствует единство во мнении касательно периодизации истории правозащитного движения, что детерминировано различиями в понимании основных категорий.

В частности, прослеживаются два противоположных подхода к восприятию правозащитной деятельности. Так, в объективном понимании она представляет собой развитие законодательства и соответствующей правовой политики государства относительно уважения и защиты прав человека под условием соблюдения международных стандартов. Однако имеется и субъективный подход, который сводится к соответствующему уровню правовой культуры, доминирующей в отдельно взятом государстве применительно к охране прав и свобод личности.

Указанное различие наиболее наглядно прослеживается в подходах авторов к историко-правовому анализу правозащитного движения в России. Так, ряд исследователей полагают, что эволюция правозащитного движения в российских условиях начинается с 1965 г. на основании диссидентского движения, катализированного арестом писателей А. Синявского и Ю. Даниэля [1, с. 269]. В отечественной правовой историографии эту дату привязывают ко второму этапу демократизации прав человека в СССР, поскольку усиливаются отдельные формы гражданской активности [2, с. 142]:

– усиление роли т.н. «самиздата» с публикацией обращений известных деятелей культуры относительно ареста писателей;

– активизация писем с требованием освобождения писателей (т.н. «письмо 62-х»);

– проведён в День Конституции митинг в Москве, на котором требования об освобождении писателей были основаны на необходимости соблюдения советской Конституции.

Тем самым прослеживается узкое восприятие правозащитной деятельности, которая, помимо действующих конституционных норм, предполагает определённые формы общественной активности, т.е. связана с уровнем правовой культуры и гражданского контроля над деятельностью государства.

Однако в науке имеется более широкое понимание правозащитной деятельности, сопряжённое с длительным периодом зарождения законодательства и практики его применения в отдельном взятом государстве. В частности, неправительственные организации и формы гражданской активности выступают далеко не единственными средствами развития правозащитного движения, поскольку значение приобретают также государственно-правовые институты [3] (например, прокуратура, независимость судов, независимость адвокатуры, отдельные формы нотариата и т.д.).

Актуален пример с учреждением в Российской Федерации института уполномоченного по правам человека. Он появился благодаря п. «е» ч. 1 ст. 103 Конституции РФ 1993 г. и был полностью приурочен к назначению на данную должность в январе 1994 г. С.А. Ковалёва. При этом появление специализированных уполномоченных по отдельным категориям прав и свобод произошло значительно позже (уполномоченный по правам ребёнка, бизнес-омбудсмен), что было связано с экспериментальным внедрением данных институтов сначала в субъектах федерации, а лишь затем в общефедеральном масштабе.

Безусловно, эволюция института уполномоченного по правам человека и института прокуратуры не совпадает в плане периодизации истории их возникновения и развития. Однако появление того или иного элемента в правовой системе России усиливает соответствующие гарантии в области защиты прав человека. В этой связи не следует списывать со счетов такой способ преодоления нарушений в данной сфере, как ведомственно-партийный, который длительное время доминировал в РСФСР. Какого-либо правового регулирования этот порядок защиты прав граждан не имел, однако регламентировался каузальным образом, основанным на ситуационных и административно-общественных факторах. Отдельные исследователи полагают, что решение проблем в области прав человека при помощи партийных структур КПСС имело большую эффективность, чем стандартные механизмы защиты (судебный, прокурорский) [4].

Таким образом, говоря об объективном подходе к пониманию правозащитного движения, отсутствует единый знаменатель в периодизации его развития в России, поскольку каждый отдельный правозащитный институт возник в разное время и эволюционировал под влиянием специфических факторов. Тем самым историко-юридический смысл правозащитной деятельности в России основан на разнице в теоретических подходах, порождающих целые научные направления.

Если в объективном плане правозащитная деятельность является совокупностью любых действий организованного характера, которые направлены на охрану прав и свобод от всех видов нарушений [4, с. 277], то в своём субъективном значении она рассматривается только в плоскости деятельности неправительственных организаций, а также отдельных самоуправляемых гражданских единиц, отстаивающих права и свободы человека исключительно перед государственной властью [5, с. 24]. При этом второй подход разделяется внутри его сторонников на определённые взаимоисключающие теоретические конструкты.

Например, многие авторы полагают, что правозащитная деятельность зародилась в виде реакции общества и интеллигенции относительно произвола советского государства [6]. Тем самым определяющим фактором стали политические мотивы борьбы с правящей властью, которая систематически нарушала гражданские права и свободы личности. В качестве подтверждения данного тезиса можно привести активизацию деятельности правозащитников в 1980-х гг. на уровне представительных органов, которые были сформированы в СССР. Впоследствии эти деятели включились в политические процессы по демократизации государственно-общественных отношений на пути к новому политическому режиму [7, с. 4].

Вместе с тем «политизацию» правозащитного движения не принимают довольно многие исследователи, придерживающиеся субъективного подхода в его определении [8, с. 11]. Так, в виде наиболее организованной формы такого движения называются профсоюзы, которые были образованы в начале XX в. в качестве центров по отстаиванию прав и свобод трудящегося класса [9]. Поэтому зарождение правозащитных функций у данных организаций в 1905-1917 гг. обозначено как возникновение правозащитного движения по специализированному типу. В частности, профсоюзы в указанный период имели ограниченный легальный статус при осуществлении своей основной деятельности.

Следует отметить, что объективный и субъективный подходы к правозащитному движению являются не единственными в современной историко-правовой наук. С конца 1990-х гг. на передний план выдвигается идея соотношения возможностей личности противостоять государству при реализации индивидуальных прав и свобод. Сторонники такого научного направления считают, что некорректно вести речь о развитии правозащитного движения в государстве без лидирующей роли самого гражданина, которому на законодательном уровне предоставлен целый спектр инструментов по защите собственных прав и свобод [9].

В рамках указанного подхода учёные берут за основу социально-правовую составляющую правозащитного движения [10]. Тем самым без формирования в государстве основной системы прав человека (до позднефеодального периода России можно говорить только об их прототипе) невозможно внедрение конкретных механизмов их защиты как на фундаментальном (конституционном) уровне, так и в отдельных отраслях. Последнее в российских условиях привязано к смене феодального типа с XIX в. до 1985 г., обозначившего несостоятельность глобальной социалистической системы правозащитных механизмов. Не случайно этап с конца 1980-х до начала 2000-х гг. характеризуется выдвижением демократических способов правозащитной деятельности в трансграничном масштабе, что предполагало имплементацию международно-правовых норм в российское законодательство.

Однако указанный подход соприкасается с тенденцией формализации российского правозащитного движения в его историко-правовом значении. В частности, представители данной теории выделяют две плоскости функционирования организованных форм правозащитной деятельности: фактический [11] и юридический [12]. Тем самым эволюция правозащитного движения строится на двух составляющих: на непризнании государством идеи правозащитной деятельности при помощи неправительственных институтов; на формальном закреплении в законах инструментов правозащитной деятельности относительно государственных институтов.

Используя такую трактовку правозащитной деятельности, можно прийти к выводу, что её развитие в СССР сопряжено с 1975 г., а именно с подписанием «Хельсинских соглашений» и учреждением Московской Хельсинской группы, признаваемой в статусе правозащитной организации. Примечательно при этом то обстоятельство, что свобода создания подобных форм правозащитной деятельности фактически была провозглашена гораздо позже. Это наглядно подтверждается тем фактом, что участники Хельсинской группы были подвергнуты определённым преследованиям.

По итогам проведённого в рамках данной статьи исследования предлагается в рамках концепции формализации правозащитного движения взять за основу факт признания его организованных форм в Конституции РФ 1993 г. Поскольку её нормы предусматривают гарантии реализации свободы общественных объединений и закрепляют право на индивидуальную и коллективную защиту прав, необходимо вести речь о соотношении формальной и фактической российской Конституции, которые определяют особенности правозащитной деятельности в форме принципов, субъектов и эффективности правового регулирования этой сферы.

Литература:

1. Жежелевская О.Ю. Некоторые вопрос формирования доктринальных основ правозащитной деятельности // Права и свободы человека и гражданина: теоретические аспекты и юридическая практика / Материалы ежегодной Международной научной конференции памяти профессора Феликса Михайловича Рудинского. – М., 2015. – С. 267-271.
2. Сейнян А.О. Правозащитные институты в Российской Федерации. Реализация принципов деятельности // Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 2 (81). – С. 142-143.
3. Ланшаков Д.С. Правозащитная сущность нотариальной деятельности // Молодые ученые. – 2015. – № 6. – С. 253-256.
4. Панченко В.Ю. К вопросу о правозащитных и правоохранительных целях и средствах в правовой деятельности // Конституция в эпоху глобализации / Материалы V Международного конституционного форума, посвященного 20-летию принятия Конституции Российской Федерации. – М., 2014. – С. 277-280.
5. Прокопович Г.А. О необходимости построения модели правозащитной деятельности в Российской Федерации // Гражданское общество в России и за рубежом. – 2015. – № 2. – С. 24-26.
6. Сунгуров А. Участие правозащитников в политике и пределы её сотрудничества с властью // Правозащитник. – 2000. – № 1. – С. 20 – 22.
7. Попов О. Защитники прав человека или «агенты глобализма»? // Москва. – 2004. – № 1. – С. 4 -9.
8. Михайлов Б.П. К вопросу об особенностях правозащитной деятельности в России и мире // Права человека в России и мире. – 2014. – № 1. – С. 11-16.
9. Смирнов Д.С. Промышленный пояс: южные окраины Санкт-Петербурга в конце XIX – начале XX вв. // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. –2009. – № 118. – С. 74-82.
10. Бабанцев Н.Ф. История становления и совершенствования правозащитной деятельности в России и за рубежом // Вестник Санкт-Петербургского университета государственной противопожарной службы МЧС России. – 2012. – № 3. – С. 91-95.
11. Свиридова М.В. Правозащитная деятельность: концептуальные основы, специфика и институциональное обеспечение // Современные тенденции развития науки и технологий. – 2016. – № 3-6. – С. 112-115.
12. Майоров В.И. Легальная правозащитная деятельность негосударственных организаций по защите прав человека // Правовое государство: теория и практика. – 2006. – № 4. – С. 5-8.

The Concept of the Human Rights Movement in Russia: Historical and Legal Analysis

Ryazanova M.N.
Kazan branch of the Russian State University of Justice

The paper deals with the problem of formalization in the process of specifying the stages of the human rights movement as exemplified by Russia. Transformation of international human rights system and its adaptation for Russian conditions actualizes theoretical analysis of human rights mechanisms development. This problem has not spared the Russian Federation which is currently introducing precedent-setting character of decisions of supranational courts. In the framework of the article, the author proposed such criterion for periodization of the human rights movement in Russia as dependence on its recognition by the state.

Key words: human rights movement, human rights, civil society, legal state, non-governmental organizations, history of Russian state and law, advocacy.